

Лана Лэйн

ЛОВИ ЛЮБОВЬ

Лана Лэйн
ЛОВИ ЛЮБОВЬ

«Автор»

2026

Лэйн Л.

Лови любовь / Л. Лэйн — «Автор», 2026

Все лето я планирую посвятить рисованию. Я мечтаю поступить в художественный университет в Нью-Йорке. И быть подальше от вечного лета, липкого песка и проклятого серфинга, обожаемого всеми жителями нашего прибрежного городка. Seriously, у нас им живут. Мои планы рушатся, когда моя семилетняя племянница Стейси твердо решает научиться серфингу. Именно поэтому я вынуждена иметь дело с Диланом Картером. Талантливым серфингистом, любимцем всего пляжа и просто парнем с обложки, который смотрит на меня так, будто я — самая интересная волна в его жизни. Проблема в том, что мои убеждения рушатся с каждой нашей встречей. Чем чаще он оказывается рядом, тем меньше я уверена, что смогу найти свое место там, куда так долго стремилась сбежать.

© Лэйн Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 3.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лана Лэйн

Лови любовь

Глава 1.

Мои планы на это лето рушатся одним вечерним телефонным звонком.

Вместо того чтобы пополнять портфолио новыми рисунками, оттачивать новые техники и изучать текстуры масла, я играю роль няньки для семилетнего урагана по имени Стейси.

Когда Аманда позвонила и попросила присмотреть за дочкой пару недель, мы с мамой обрадовались — сестру мы видим редко, а Стейси в основном по видеозвонкам. Обычно она остается с родителями Криса или с нашим отцом и его новой женой. Папа любит подкалывать маму: каждый раз, когда внучку привозят к нему, он звонит и дразнится, что удача снова на его стороне. Его везение, что они с Хелен перебрались в тот же штат, куда Аманда уехала за Крисом.

Моя старшая сестра — морской биолог, и ее постоянные конференции и командировки давно стали для нас привычными. На одной из таких поездок она встретила эколога Кристофера Далтона, и после этого Аманда собрала маленький чемодан, укатила за ним в Колорадо, а потом вышла замуж. Как они с таким графиком успели обзавестись ребенком — до сих пор загадка. Подозреваю, что у морских биологов и экологов есть какие-то свои, недоступные простым смертным способы размножаться в командировках.

Двух недель хватило, чтобы обойти с племянницей все интересные места. Когда мама собралась выходить на работу, а я вернуться за карандаши или планшет, Аманда позвонила с новостью: они с Крисом задерживаются еще на несколько дней. Несколько дней перетекли в недели. Стейси все еще здесь и основательно свалилась на мою голову.

— Чем займемся сегодня?

Она жует печенье и носится вокруг кухонного островка, раскинув руки в стороны как самолет, который вот-вот взлетит. Я серьезно жду, что Стейси в следующую секунду оторвется от пола, пробьет крышу и унесется в облака. В этой девочке сидит какая-то вечная батарейка.

Наш спокойный калифорнийский городок привел Стейси в полный восторг. Она постоянно таращится в сторону пляжа, тянет нас к океану. В прошлый приезд Аманды Стейси было около двух, но даже тогда она зачарованно смотрела на волны и улыбалась, хлопая ладошками по коленям мамы.

— Останемся дома и посмотрим фильм?

Предлагаю это уже который день и заранее знаю ответ, но не оставляю попыток. Я не против, что Стейси задержалась. Правда. Но мне нужно рисовать. Мне нужно включить ей что-то настолько интересное, чтобы она отстала, сидела тихо, а я сосредоточусь на рисовании.

Я мечтаю уехать в Нью-Йорк и посвятить себя живописи. Проблема только в том, что в прошлом году меня там не ждали — я получила отказ от университета. Пришлось поступать в местную академию искусств, и я чувствую, как задыхаюсь в нашем вечном лете. Но я подтяну знания, отточу навыки и обязательно уеду. Подальше от песка, чаек и этого палящего солнца, от которого у меня всегда болит голова и которое, кажется, единственное в мире умеет проникать сквозь закрытые веки даже когда я сплю.

— Как насчет пляжа? — Стейси запрыгивает на диван, тут же делает кувырок и едва не сваливается на пол.

— Стейси! — мама отрывается от сумки, куда на ходу закидывает бутылку с водой и пачку салфеток. — Будь осторожнее! Бонни, отведи ее на пляж, — переключается она на меня,

опираясь локтями на столешницу, и стягивает с моей тарелки дольку апельсина. — Тебе тоже не помешает свежий воздух.

— Я дышу свежим воздухом дома, мам. У нас открыты все окна.

— Домашний воздух не считается. Иди, позагораешь. Ты похожа на вампиршу.

— Я этого и добиваюсь.

— Тогда посидишь в тени и последишь за Стейси. — Мама улыбается так широко, что я понимаю: спор проигран еще до того, как начался. Стейси действительно нужно куда-то девать энергию, иначе однажды она разберет дом и соберет обратно в каком-нибудь немыслимом порядке.

— Мы вчера там были, — делаю последнюю слабую попытку. — И позавчера. И еще два дня до этого.

— И сегодня тоже пойдем! — Стейси взвизгивает так, что у меня закладывает уши, прыгивает с дивана и снова кружит вокруг нас с мамой. — И завтра! Я буду жить на пляже! Построю дом из песка и никуда оттуда не уеду!

Серьезно, где у этой девчонки выключатель?

Я перевожу взгляд на маму. Та только улыбается и пожимает плечами, поглядывая на Стейси.

— Ну что поделаешь, если ей нравится океан?

— Может, включить «Челюсти» и ей разонравится? — хмыкаю я.

— Бонни.

— Я шучу, мам.

— Может, тебе стоит взять с нее пример? — тихо говорит мама, наклоняясь ко мне.

— В смысле научиться делать кувырки через диван и есть печенье на обед и ужин? Думаю, это не тот навык, который пригодится мне в Нью-Йорке.

— В смысле научиться радоваться тому, что есть здесь и сейчас.

Я не нахожу, что ответить, и делаю вид, что очень заинтересована крошками на столешнице.

— Я хочу как те ребята! — Стейси резко тормозит посреди кухни и изображает серфингиста на доске — приседает, расставляет руки, пытается скопировать серьезное, сосредоточенное лицо. Получается смешно. Похоже на маленького супергероя, который не до конца понял свои силы, но уже готов спасать мир. — Хочу на доске кататься!

Я вздыхаю. Мама улыбается, глядя на нее.

Когда Стейси впервые увидела серфингистов на волнах, она визжала так, что на нас обращивались люди. Здесь серфинг — главное развлечение молодежи, почти религия местных. Уверена, что большинству при рождении выдавали доски для серфинга, и детей обучали стоять на них раньше, чем ходить. Я это увлечение не разделяю — у меня вообще есть подозрение, что рано или поздно океан заберет всех этих фанатиков в качестве платы за многолетнее вторжение на его территорию, но ничего удивительного, что на Стейси это произвело впечатление.

Мама сразу же разузнала про детские группы. К сожалению для нее и Стейси, но к счастью для меня, — группы набирают, только строго от восьми лет. Это было бы очередной попыткой: торчать на пляже каждый день, наблюдать за детьми и делать вид, что меня не тошнит от вида песка. Противный песок попадает в обувь, в волосы, в еду и в душу, не вылезая оттуда годами.

— Стейси, милая, мы бы с радостью, — мама подходит к ней, гладит по темным волосам — таким же, как у нас с Амандой. — Но нам сказали, что берут только с восьми.

— Мне скоро восемь.

— Знаю, солнышко. — Мама смеется, обнимает ее. — Может, хочешь снова со мной в отель? Райан угостит тебя чем-нибудь вкусным.

Честно говоря, мама, это *я хочу* в твой отель. Где на полную мощность работает кондиционер и в номерах такая тишина, что слышно, как тикают часы на стене. И от стряпни Райана я бы точно не отказалась. Этот мужчина знает толк в еде, и не зря мама наняла его шеф-поваром.

— Я хочу быть серфингистом! — Стейси выскальзывает из маминых объятий и снова встает в позу.

Я не выдерживаю и смеюсь. Это выглядит настолько серьезно и одновременно абсурдно, что невозможно сохранить лицо.

— Может, сохрем, что ей уже восемь? — тихо бросает мама.

— Мам.

— Она ведь прирожденный серфингист! — восклицает мама громко, и Стейси расплывается в широкой улыбке, на секунду выходя из образа. — Сходите снова. Может, они передумают, когда увидят, какая Стейси способная. У нее есть искра, Бонни. Ты видишь эту искру?

Я вижу искру. И она перерастает с невероятной скоростью в целый пожар. И боюсь, что этот пожар однажды сожжет мой покой дотла.

Стейси не выдерживает и заливается смехом, глядя сияющими глазами на маму, а потом этими же глазами — на меня.

— Ей нужно куда-то девать энергию, — добавляет мама. — А тебе — выходить из дома.

— Я выхожу из дома. Я хожу в магазин и в академию. И...

— В художественную галерею ты ходила в прошлом месяце. И то потому, что нужно было сдать проект.

Я закрываю рот. Мама знает все мои отговорки наизусть на мои попытки избежать солнечного света.

Стейси усердно кивает, подтверждая мамины слова, и смотрит на меня с таким выражением, будто я последняя преграда между ней и вечным счастьем. И, кажется, я действительно ею являюсь.

Я сдаюсь. Тянусь за рюкзаком на соседнем стуле, проверяю внутри скетчбук и карандаши. И, конечно, беру с собой самую толстую папку с набросками. Если мне суждено торчать на этом пляже, я хотя бы сделаю вид, что это творческий поиск, а не капитуляция перед семилетним тираном.

— Собирайся на пляж, Стейси.

Они с мамой вместе пищат, отбивают друг другу «пять», и я отворачиваюсь, чтобы они не увидели, как я улыбаюсь.

Глава 2.

Дорога до пляжа занимает минут десять, и я выслушиваю новую порцию рассказа Стейси о том, как ей нравится океан, шум волн и золотой песок. Она уже уверенно заявляет, что переедет сюда, поступит в какой-нибудь местный университет и будет жить со мной и мамой. Я молча слушаю, держу ее за руку и изредка награждаю кивком или улыбкой. Уверена, когда Стейси повзрослеет, она еще сто раз передумает и откажется от нашего городка, где каждый день похож на предыдущий, а людям, кажется, нравится быть застрявшими во времени. Никаких амбиций.

Но потом я смотрю на ее сияющее лицо и понимаю, что, возможно, проблема не в городе. Возможно, проблема в том, что я единственная здесь, кто считает его тюрьмой. Все остальные, включая мою маму, которая могла бы жить где угодно, почему-то выбрали остаться. Может, с ними что-то не так? А может, со мной?

Сюда часто приезжают туристы — те, у кого не хватает денег на что-то покруче вроде курортов Флориды. Сейчас самый сезон, и приезжих заметно больше обычного. Они выделяются из толпы: бледные, в новой одежде, которая еще не пропахла солью, с пляжными сумками, купленными в ближайшем сувенирном магазине. Они немного напоминают мне Стейси:

такие же активные, разглядывают все вокруг, горят желанием заняться серфингом и смотрят на океан с полным обожанием. Я наблюдаю за ними с чем-то средним между раздражением и завистью. В один день они хотя бы уедут. А что насчет меня?

Взгляд Стейси сразу цепляется за детскую группу. Юные серфингисты уже проходят обучение, внимательно слушают инструктора и жаждут войти в воду. Но, узнав, что первые занятия проводятся на суше, разочарованно хнычут. Инструктор — коренастый мужчина с бородой и татуировкой мультяшного утенка на икре, объясняет им про технику безопасности, про то, как читать волны, и про положение тела. Дети слушают с таким видом, будто он рассказывает им самую захватывающую историю на свете. Или будто они готовы в любой момент сорваться и побежать в воду, несмотря на все его предупреждения.

Я замечаю задумчивое и одновременно грустное лицо Стейси, и меня вдруг накрывает дурацкой злостью, что ее не взяли в группу. Да я сама сейчас обучусь этому чертовому серфингу и научу ее, лишь бы вернуть в ее глаза радость и этот залиvistый смех, который разносится по всей кухне по утрам.

Я увожу Стейси к пляжному кафе, но она то и дело оборачивается на других детей, ловит каждое слово инструктора, вытягивает шею, чтобы ничего не упустить. А мне срочно нужен кофе, чтобы я не устроила скандал той девушке, которая не захотела добавить Стейси в группу, потом, возможно, напишу жалобу в местную администрацию, а затем пойду и запилю петицию «Право семилетних на серфинг». Моя мама будет мной гордиться. Или откажется от меня.

Стейси усаживается за крайний столик — поближе к юным серфингистам, подпирает кулаками подбородок и напрягает слух. В этот момент я почти верю, что она настроена серьезно. И ее стойкое желание покорять волны не очередная детская прихоть, которая пройдет через неделю, а что-то настоящее. Даже если я и ошибаюсь, то не хочу лишать ее права на капризы.

Алекс стоит за кассой и приветливо улыбается, замечая меня. Она оборачивается на Джереми, что занят напитками и громко произносит:

— Один капучино без сахара.

Ее изумрудные глаза скользят за мое плечо, находят Стейси, и она добавляет:

— И один арбузный лимонад.

— Привет, — улыбаюсь я.

Я настолько часто хожу на пляж, что работники кафе «Дэйли Грайнд», которое здесь часто называли просто — «Ди-Джи», уже знают мой заказ. За всю жизнь я не была здесь столько раз, сколько за это лето. И самое страшное: я знаю всех по именам. С некоторыми даже успела сдружиться. Этот пляж медленно, но верно поглощает меня, и я не знаю, как сопротивляться. Скоро я начну покупать местную символику — футболки с надписями вроде «Серфи или умри» и брелоки в виде досок.

Алекс Росс — девушка, которую я никогда не смогу понять. Она переехала сюда из шумного, кипящего жизнью Нью-Йорка — из города, в который я так хочу попасть. Поступила на морского биолога, обожает статьи Аманды и называет наш город «раем на земле». Она променяла мою мечту на песок, залезающий во все доступные места, на чаек, ворующих еду прямо из рук, и на вечное солнце, от которого плавится мозг. Но в отличие от меня Алекс действительно выглядит здесь счастливой. Почему она не может заразить меня своей любовью к этому месту?

Алекс отлично вписалась в местный колорит. Куда лучше меня, если честно. Ее ореховые волосы с золотистым отливом вечно в беспорядке, но собраны в низкий хвост, рваная челка разлетается в разные стороны. На крыле носа поблескивает крошечный пирсинг, в ушах большие серьги-кольца. У нее широкая, расслабленная улыбка на все лицо, и она выглядит так, будто прожила здесь намного дольше, чем я. Иногда мне кажется, что нас с ней перепутали при рождении. Это я должна была родиться и остаться в Нью-Йорке, ходить в черном, брать кофе с собой и ненавидеть солнце. А она — здесь, с пирсингом в носу и солнечной улыбкой.

Алекс выставляет локти на столешницу, сцепляет пальцы и опирается на них подбородком.

— Стейси не взяли? — кивает она в ее сторону.

— Не взяли, — подтверждаю я. Оглядываю пляж, забитый молодежью, и шурю от солнца, которое отражается от песка с такой силой, будто лично хочет меня ослепить. — Сегодня людно.

— Конечно, — Алекс хмыкает, выпрямляясь. — Будет шоу.

— Картер, — вставляет Джереми, не отрываясь от создания своего шедевра под названием «капучино». — Все девушки приходят на пляж только по двум причинам, — он загибает пальцы, даже не глядя на нас. — Первая — наш ослепительный спасатель, Дерек Хант.

На этом имени Алекс довольно улыбается и активно кивает. Джереми, будто чувствуя это затылком, устало вздыхает.

— Вторая, — он загибает второй палец, — когда этот спасатель уже надоел и хочется разнообразия — на сцену выходит Картер.

— Джереми! — возмущается Алекс, шлепая его тряпкой по плечу. — Дилан — потрясающий!

— Он потрясающий во многих смыслах, — бормочет Джереми, и Алекс закатывает глаза.

— Но Дерек мне не надоедает, — добавляет она с мечтательной улыбкой.

Пляж неожиданно взрывается свистом, восторженными визгами и хлопками. Мы с Алексом вздрагиваем и поворачиваемся к океану. Даже детская группа перестает слушать инструктора и бежит ближе к воде, вглядываясь в волны. Оттуда, из пены, выныривает парень на доске, ловит волну и делает резкий разворот. Он скользит по гребню, вызывая новый приступ женского визга, что разносится по всему пляжу. Крики чаек на секунду затихают, будто даже они признают превосходство этого зрелища.

— Вот и вторая причина, — усмехается Джереми, даже не глядя в сторону океана.

Мой взгляд приклеивается к этому парню. Он управляется с волной так, будто серфинг — самое легкое занятие на свете. Его тело идеально вписано в движение волны, и они, словно сливаются и становятся единым целым.

Я много слышала о Дилане Картере. Несколько раз мы даже пересекались здесь, на пляже, ограничиваясь мимолетными взглядами. Но впервые мое внимание задерживается на нем так, что я не могу отвести глаз. Впервые я чувствую, как что-то тихо щелкает у меня в груди.

— Ты, видимо, присоединяешься к группе поддержки Картера, — замечает Джереми, ставя передо мной чашку с капучино.

— Я присоединяюсь к группе поддержки твоего спасительного капучино, Джем. — Я приподнимаю чашку, вдыхаю аромат и чувствую, как мозг начинает потихоньку возвращаться на место. — Мне начал нравиться этот пляж только благодаря твоему кофе.

Джереми смеется и делает короткий театральный поклон. Алекс недовольно стонет — она до сих пор не может принять мою нелюбовь к городу, который считает идеальным.

— Ты просто не умеешь наслаждаться пляжем и океаном, — бормочет она.

— Я не умею их любить. Это разные вещи.

Дилан Картер действительно хорош собой. Это факт, от которого не отвертеться. Его загорелая кожа отликает золотом, волосы растрепаны ветром и водой, красивая и крепкая фигура. У него четкие, правильные черты лица, но главное — уверенная, расслабленная улыбка. Эта улыбка человека, который любит свое дело, ведет себя легко и естественно, и никогда никуда не спешит, потому что все, что ему нужно, уже здесь — океан и доска.

Я не собираюсь толпиться рядом с другими девчонками и наблюдать за тем, как он держит волны в узде. У меня есть гордость, здравый смысл и полное понимание того, что такие парни, как Дилан Картер — это ловушка для наивных туристок и местных девочек, которые мечтают о красивой летней истории. Алекс несколько раз бросала неловкие фразы о том, что

он заглядывался на меня, когда мы приходили на пляж. Я отмахивалась и награждала ее строгим взглядом. Подобное приятно слышать, но мне не нужны свидания с местными парнями. Я здесь не задержусь.

На прошлой неделе я не выдержала и снова подала документы в нью-йоркский университет. Теперь жду ответа. Меня редко подводит интуиция и я чувствую каждой клеткой, что в этот раз меня примут. В конце лета я уеду и позволю маме наконец перестать прятать свои отношения с Райаном. Они прячутся, как подростки, хотя я уже давно все поняла и даже рада за нее. А второе, что подсказывает интуиция: держаться от Картера подальше, несмотря на его задерживающиеся на мне взгляды.

— Мистер «крутая задница» на три часа, — торопливо выдыхает Алекс и делает вид, что ужасно занята. Хватает тряпку, протирает столешницу, возвращается к кассе и смотрит на нее с таким интересом, будто это ее диссертация.

Я сильнее вцепляюсь пальцами в кружку. Настолько сильно, что они немеют.

Картер останавливается рядом со мной. Я чувствую его присутствие всем телом. Он просит холодную воду с лимоном, и его голос звучит низко, спокойно, со слабой хрипотцой. Волосы мокрые, на плечах блестят капли, и одна из них медленно скатывается по ключице.

Пока я старательно пытаюсь мысленно перенестись домой, он сверлит меня, разглядывает, и это длится какую-то вечность. Мы впервые так близко, и я ощущаю от этого какую-то неловкость.

— Научи меня кататься так же!

Мы с Диланом оборачиваемся одновременно. Стейси подбегает к нам и сияет так ярко, что меня слепит. Картер едва заметно ухмыляется. Стейси расценивает это как разрешение и вываливает на него весь свой восторг: как круто он выглядел, как ей хочется быть такой же, как он. Она говорит так быстро, что проглатывает окончания, и от этого ее речь становится похожа на щебетание какой-то экзотической птицы, которую долгое время заставляли молчать.

Я знаю, что попытки уговорить его взять Стейси в ученики заранее провальны. Алекс говорила, Картер работает только со взрослой группой. Но Стейси этого не знает и желает произвести впечатление. Она встает в свою «крутую» стойку серфингиста — ноги на ширине плеч, руки в стороны, лицо серьезное — и я чувствую, как щеки начинают гореть от неловкости. Мне хочется провалиться сквозь песок и вынырнуть где-нибудь в Нью-Йорке, где никто не знает, что моя племянница только что изображала серфингиста перед самым популярным парнем на пляже.

— Ты очень крутая, — Дилан присаживается перед Стейси на корточки, и она сияет так ярко, что мне кажется, сейчас загорятся пластиковые стулья. — Но ты должна быть с теми ребятами. — Он кивает в сторону детской группы, которая все еще поглядывает на него с обожанием. — Они как раз учатся. И ты будешь среди них самой крутой.

— Ей отказали, — влезает Алекс.

Я оборачиваюсь. Она расплывается в улыбке, подмигивает мне и ставит на стойку лимонад и стакан воды со льдом и лимоном. Ее улыбка говорит: «Не благодари». А я и не собиралась.

— Ты умеешь плавать? — спрашивает Дилан у Стейси.

— Умею! Я умею лучше всех среди друзей! — Стейси выпячивает грудь.

— Отлично. — Он кивает, и его улыбка становится шире. — А сколько тебе лет?

— Семь.

— Группы набираются с восьми, — в его голосе появляется нотка досады, будто это действительно его расстраивает.

— В марте мне восемь! Мне осталось совсем чуть-чуть!

Дилан тихо смеется. Смех у него низкий, бархатный и от него почему-то хочется улыбнуться в ответ. А потом он поднимает голову и смотрит на меня.

Наши взгляды встречаются, и я чувствую, как все внутренности делают синхронный кульбит. Я хватаю лимонад, всовываю его в руки Стейси и отступаю на шаг. Потом еще на один на всякий случай. Если я отступлю достаточно далеко, возможно, он перестанет на меня так смотреть и улыбаться.

Его густые волосы, слегка растрепанные, с золотисто-каштановым отливом обрамляют лицо небрежными волнами. Ветер шевелит их, и они падают на лоб, отчего у меня возникает дурацкое желание убрать их рукой. Бусины на шее тихо постукивают друг о друга, когда он двигается, а маленькая сережка в ухе ловит солнечный луч и бликует. На его предплечье татуировка, идеальная, закрученная волна, выполненная непрерывной линией. Выглядит как какая-то клятва верности океану. Он серфингист до мозга костей и определенно фанатик своего дела.

— Стейси, я поговорю еще раз и попробую убедить их взять тебя в группу, — я присаживаюсь перед ней, беру за руку, пытаюсь переключить ее внимание с Картера на себя. — Этот человек проводит уроки для скучных взрослых.

— Я могу сделать исключение, — произносит Дилан.

Он смотрит на меня.

— Это ни к чему, — выдавливаю я и заставляю себя не поднимать глаз.

Стейси переводит взгляд с меня на Картера и обратно. Ее глаза становятся такими огромными, что в них можно провалиться. В них столько детской, незащитной надежды, и мое сердце тут же сжимается. Желание послать Дилана куда подальше и увести Стейси домой испаряется, как утренний туман над океаном. Я слглатываю.

— Как насчет индивидуальных занятий? — Дилан обращается ко мне, но Стейси перехватывает вопрос быстрее, чем я успеваю открыть рот.

— Да! — кивает она так энергично, что ее хвостик подпрыгивает, а лимонад плещется через край.

— Боюсь, это дороговато, Стейси, — напряженно улыбаюсь я. Краем глаза замечаю, как Алекс и Джереми оперлись на стойку и смотрят на нас с таким интересом, будто мы их любимый сериал, у которого давно не было новых серий. Алекс даже перестала делать вид, что протирает стойку.

— Я сделаю скидку.

— Он сделает скидку, — шепчет Стейси, подходя ближе ко мне. В ее взгляде столько мольбы, что я готова согласиться в ту же секунду.

— Полцены, — добавляет Дилан.

Глаза Стейси становятся еще больше. Чертов серфингист.

— Очень щедро, мистер Картер, — цежу я сквозь зубы. — Подозрительно щедро. Это ведь неспроста, верно?

Я поворачиваюсь к нему. Он не спешит с ответом. Несколько секунд просто смотрит на меня с легкой улыбкой, которая не предвещает ничего простого. Его взгляд изучающий и одновременно озорной, как будто я для него новая волна, которую он пытается прочитать.

— Люблю сообразительных девушек, — тихо произносит он, и мурашки уже бегут по рукам. — Сделаю щедрую скидку за имя и...

— Имя? — в недоумении обрываю я.

— Бонни! — выпаливают одновременно Алекс, Джереми и Стейси.

Я медленно и мучительно сгораю. Выложили мое имя на блюде. Моя собственная кровь, работники кафе, которых я минуту назад считала друзьями, — все они в сговоре против моего спокойствия.

— Что-то еще? — чувствую, как на моем лице застывает вежливая улыбка, и это только веселит Дилана.

— Номер телефона.

Ну конечно.

— Плюс пятнадцать, — начинает диктовать громко и четко Алекс, но после моего резкого взгляда осекается и замолкает.

— Думаю, имени достаточно, спасибо за помощь, Ал, — проговариваю я.

Я прочищаю горло и протягиваю руку Картеру. Стараюсь, чтобы голос звучал спокойно.

— Бонни Рид.

— Дилан Картер. — Он пожимает мою ладонь.

— Я в курсе, кто ты.

— Приятно знать.

Рукопожатие уверенное, крепкое и затягивается на секунду дольше, чем положено по протоколу «меня не интересуют местные серферы». Почему-то думаю о том, сколько часов нужно провести в океане с доской, чтобы руки стали такими шершавыми, с мозолями. Я одергиваю руку первой, когда понимаю, что слишком долго размышляла о ненужных вещах. Отвожу взгляд в сторону, а Дилан улыбается. И я готова поклясться, что вижу в его глазах удовлетворение.

— Я — Стейси Далтон! — деловито произносит она и протягивает ему ладошку. Дилан жмет ее с абсолютно серьезным лицом, и Стейси выглядит так, будто ее только что приняли в президентский клуб.

— Приятно познакомиться, Стейси. Бонни твоя старшая сестра? Давно тут отдыхаете?

— Это моя тетя. — Стейси говорит это с такой гордостью, будто сообщает, что я — местная знаменитость. — Она тут живет. И она художница.

— Стейси! — выдыхаю я, чувствуя, как краснею еще сильнее.

— Что? — она смотрит на меня с искренним недоумением.

— Seriously? — Дилан переводит взгляд на меня. В его глазах мелькает неподдельное удивление. — Ты местная? Я впервые увидел тебя пару недель назад.

— Не люблю пляж.

Дилан смотрит на меня так, будто я только что сказала, что не люблю дышать. Его улыбка снисходительная, а я чувствую себя ребенком, который произнес глупость, не подумав.

Представляете, мистер Крутая Задница, не всем нравится липнувший песок, палящее солнце и быть постоянно мокрым.

— Буду ждать вас завтра в восемь утра, — Дилан переводит взгляд на Стейси. — Не опаздывать. И не забудьте взять с собой хорошее настроение.

Стейси радостно взвизгивает, цепляется в мою руку и сжимает так крепко, что я морщусь от боли. Она подпрыгивает на месте и долго тянет «Спасибо». Картер с улыбкой смотрит на нас, поднимается и тянется за стаканом с водой.

— Вот так просто? — Я выпрямляюсь, шурясь от солнца. — Без документов? Без согласия родителей? Без... я не знаю... проверки, что она вообще умеет плавать?

— Она же сказала, что умеет.

— А если она преувеличивает?

— Бонни! — возмущается Стейси.

— Я проверю на месте, — пожимает плечами Дилан. — Если не умеет — будем учиться плавать сначала.

— А если она испугается?

— Не испугаюсь!

— Стейси, дай взрослым договорить.

— Она не испугается, — говорит Дилан, глядя на Стейси. — У нее есть характер, и это видно. Океан любит таких.

Стейси расплывается в улыбке, а я закатываю глаза. Понимаю, что проиграла эту битву окончательно и бесповоротно. Этот парень только что нашел ключ к моей племяннице за три минуты.

— Завтра в восемь, — повторяет Дилан, допивает воду залпом и подмигивает. Потом разворачивается и уходит расслабленной походкой, зная, что на него смотрят.

Я смотрю ему вслед дольше, чем следовало бы. Он перекидывает доску под мышкой, пожимает руки каким-то парням на пляже, а девушки в бикини провожают его взглядами.

Я остаюсь с воодушевленными речами Алекс, писком счастья Стейси и изумленными комментариями Джереми, который активно обсуждает произошедшее со своей коллегой. Стейси уже строит планы на завтрашний день, пританцовывая на месте и расплескивая лимонад.

— Он запал на тебя, — шепчет мне Алекс, когда я лезу за картой, чтобы расплатиться за напитки. — Я такого Картера еще не видела.

— Он запал на возможность заработать, — парирую я.

— Он скинул полцены, чтобы узнать твое имя, Бон, — Алекс многозначительно поднимает бровь. — И он не работает с детьми.

Я игнорирую ее, делаю вид, что очень занята поиском карты в рюкзаке, хотя отлично знаю, в каком кармане она лежит.

Мне не нравится, как легко Дилан предложил свои услуги, как подмигнул перед уходом и как тихо сказал «люблю сообразительных девушек». Он даже не услышал моего согласия, хотя реакция Стейси говорила громче любых слов. Не нравится, что я вообще об этом думаю или то, что я уже решила, в чем пойду завтра на пляж. И что это решение заняло у меня примерно три секунды.

Возможно, мне стоит вечером убедить Стейси не приходить сюда завтра. Сказать, что «крутой серфер» простудился или сказать, что он — опасный человек, который крадет детей.

Дилан — инструктор, но он не работает с детьми. Разве я могу так просто доверить ему Стейси? Я не уверена.

Но я соглашусь со словами Алекс. У Картера действительно крутая задница.

И это последнее, о чем я должна думать.

Глава 3.

После пляжа Стейси не выдерживает и тащит меня в сторону маминого отеля. Ей нужно немедленно похвастаться, что у нее будут индивидуальные занятия у самого крутого серфера на всем побережье. Хоть это и случилось только благодаря моему имени и тому, что я чем-то привлекла внимание Картера, приятно знать, что пусть и сомнительным способом, но я смогла порадовать Стейси. Если бы мне кто-нибудь сказал месяц назад, что я буду использовать себя как приманку для серфера ради счастья семилетней девочки, я бы рассмеялась в лицо этому человеку. А сейчас я чувствую что-то похожее на гордость. Самое странное лето в моей жизни.

Мы сразу находим маму на кухне отеля. Она о чем-то щебечет с Райаном, склонившись над каким-то списком. Его рука тянется поправить ее светлые волосы, но замирает на полпути, как только Стейси громко приветствует их и несетя с новостями. Мама и Райан мгновенно отстраняются друг от друга, словно мы застучали их за чем-то непристойным. Я сдерживаю стон раздражения. Они ведут себя как герои плохого подросткового сериала, где никто не должен узнать о тайной любви, хотя зрители все поняли еще в первой серии. Я уже прямым текстом говорила маме, что знаю про их отношения, но меня почему-то продолжают убеждать в обратном. Может, им самим нравится эта игра?

Стейси носится вокруг мамы и пересказывает все в таких ярких красках, что я сама не замечаю, как начинаю улыбаться. Мама кивает, разделяя ее радость, и с благодарностью смотрит на меня. Глаза Райана бегают по кухне, следя за шустрой Стейси, и он смеется, заражаясь ее детским восторгом.

— Какой хороший парень! — говорит мама, и в ее голосе слышится что-то такое, от чего я напрягаюсь. — Я же говорила, что ты способная девочка, — она треплет Стейси по волосам. — И он тоже это заметил, раз решил обучать тебя!

— Нет! — Стейси чуть не подпрыгивает от важности момента. — Он это сделал, чтобы узнать имя Бонни!

Заинтересованный взгляд мамы поднимается на меня. Я только рассеянно пожимаю плечами. Что мне сказать? Стейси говорит правду, как бы нелепо она не звучала.

— Симпатичный? — мама приподнимает бровь.

— Мам.

— Он очень крутой! — Стейси дергает маму за руку, требуя внимания. — Все смотрели на него!

— Так симпатичный?

— Какая разница? — Я чувствую, как щеки начинают теплеть.

— Лорен, — Райан откашливается, чувствуя себя явно не в своей тарелке. Он вообще всегда выглядит так, будто хочет стать невидимым, когда мы начинаем при нем подобного рода разговоры. — Меня, кажется, зовут. Обсудим новое меню позже, да?

— Новое меню? — мама хмурится в недоумении, сталкиваясь с выразительным взглядом шеф-повара. До нее доходит, и она тут же включаетесь, щелкнув пальцами. — Ох, да...

Я досадливо качаю головой. Мама — ужасная актриса. И я лишней раз вижу подтверждение ее главной школьной трагедии: почему ее никогда не брали в постановки в старших классах.

— Конечно, обсудим позже, — добавляет она с улыбкой.

Проводив Райана взглядом, мама переключается на меня. А я уже успеваю соскучиться по нему и хочу, чтобы он вернулся. Райан с легкостью мог бы перетянуть на себя все ее внимание, и я избежала бы этого пустого допроса.

— Так что там серфингист твой? — спрашивает она, и в голосе появляется та же интонация, которую я уловила в пятнадцать лет, когда она спрашивала, не нравится ли мне мальчик Стивен, с которым нас поставили в пару на танцах во время фестиваля.

— Он не мой. — Я стараюсь, чтобы голос звучал максимально равнодушно. — Зачем его обсуждать, если совсем скоро я уеду отсюда? Ему ничего не светит.

Как и мне, в общем-то.

— Может, ты влюбишься и передумаешь? — произносит мама с лукавой улыбкой.

— Ни. За. Что.

Я закрываю тему и намекаю, что мы голодны. Мама выводит нас в обеденную зону. Мы со Стейси усаживаемся за дальний стол, делаем заказ, и она тут же звонит Аманде по видео.

— Мама! Мама! Я буду серфингистом! У меня будут занятия с самым крутым серфером!

Первые минуты Аманда разделяет восхищение дочери, в ее голосе слышна улыбка и заинтересованность. Но потом в ней просыпается та занудная версия моей сестры, которая, к сожалению, присутствует и во мне. Она начинает задавать много вопросов, сопровождаемые волной беспокойства.

Стейси, не чувствуя подвоха, радостно заявляет:

— Это все благодаря Бонни! Она познакомилась с ним, и он согласился!

Ну спасибо.

Аманда набирает обороты. Я слышу, как ее голос становится все более напряженным, отчего я только скатываюсь вниз по кожаной обивке дивана. Могу поспорить, что Аманда подается ближе к камере, словно чувствует мой страх, готовая выдать все, что думает о моей безответственности.

— Бонни! Передай Бонни телефон!

Стейси медленно тянет телефон в мою сторону. Я так активно показываю перед собой руками крест, что чуть не сбиваю стакан с водой. Стейси едва заметно кивает, притягивая телефон обратно к себе и просто улыбается в камеру, пропуская мимо ушей все, что говорит Аманда. Стейси сидит с видом ангела и молча хлопает глазами, не сводя взгляда с экрана, но делает звук тише.

К разговору подключается Крис. Я слышу его спокойный голос, и он говорит то, за что я готова его расцеловать даже на расстоянии:

— Аманда, успокойся. Серфинг — отличный спорт. И Бонни же не с каким-то случайным человеком договорилась, а с местным инструктором. Она разобралась.

— Она даже не спросила у нас!

— А ты бы разрешила?

Пауза. Я почти вижу, как Аманда открывает рот и не находит слов.

— Вот именно, — говорит Крис. И они начинают ссориться.

Стейси теряет интерес к разговору, откладывает телефон на стол экраном вверх, где ее родители продолжают препираться друг с другом. Она довольно смотрит на меня. Я чувствую себя неловко и одновременно благодарной. Крису Далтону положен памятник за то, что он способен справляться с нашей Амандой.

Когда голос Аманды стихает, и она успокаивается, Стейси как ни в чем не бывало продолжает с ней разговор. К отношениям Криса и Аманды привыкли, кажется, абсолютно все, кроме них самих. Даже Стейси реагирует спокойно на их нелепые ссоры, которые могут начаться на пустом месте. Все вечно по одному сценарию: Аманда нервничает, Крис пытается ее успокоить и тем самым раздражает еще больше, а потом она вдруг выдыхает, словно избавившись от всех тревог, и соглашается с мужем. Конец первого акта.

Вечером, вернувшись домой, запал Стейси не угасает. Она настолько взвинчена завтрашним занятием, что усердно просматривает видео серфингистов в интернете. Лежит на животе на ковре, подперев подбородок кулаками, и смотрит на экран с такой сосредоточенностью,

будто от этого зависит ее будущее. Я вижу, как она хмурит брови в задумчивости, отматывает некоторые моменты назад, чтобы лучше понять технику. Аманда с таким же рвением изучала морскую биологию. Их сходство немного пугающее. Стейси — ее точная копия, только в миниатюре и с большим количеством энергии.

Мы с мамой не отвлекаем ее. Каждая занимается своим делом: мама уткнулась в ноутбук с отчетами, изредка улыбается уведомлениям на телефоне. Я сижу с планшетом, где открыты виды Нью-Йорка, и делаю быстрые карандашные скетчи: широкие улицы, небоскребы и мосты. Все то, что скоро станет моей реальностью. Моим истинным домом.

По столешнице отдается вибрация, я бросаю взгляд в сторону мамы. Но ее смартфон в руках, и она увлеченно переписывается с кем-то. Определенно с Райаном — только он вызывает на ее лице такую улыбку.

Разблокировав экран, вижу уведомление, которое приносит с собой непривычный ураган эмоций.

«Дилан Картер хочет добавить вас в друзья».

Я несколько раз моргаю и пытаюсь сфокусироваться на увиденном. Потом откладываю телефон, но мой взгляд все еще прикован к нему. Снова проверяю уведомление и убеждаюсь, что мне не показалось.

Раздумываю около секунды и возвращаюсь к рисованию. Отвечу позже. Займусь пока делом поважнее.

Я опять смотрю на уведомление. Прошло две минуты. Выжду еще десять минут и добавлю. Нет, лучше двадцать. Или тридцать.

Еще жалкие секунды продолжаю убеждать себя, что нужно сосредоточиться на рисовании архитектуры Нью-Йорка и не забывать голову никаким Картером.

И все-таки лезу в телефон.

Он тут же раздается звонком. На экране высвечивается «Алекс». Я принимаю вызов, но ничего произнести не успеваю.

— Ты в курсе, что тебе можно написать только в случае, если человек находится у тебя в друзьях?

Раздается низкий мужской голос.

Я медленно выпрямляюсь на барном стуле. Осознание приходит не сразу, а потом накрывает с головой. Мужской голос принадлежит никому иному, как Дилану Картеру.

Зачем-то осторожно смотрю в сторону мамы. Она увлеченно переписывается, блаженно улыбаясь экрану. Потом перевожу взгляд на Стейси. Та настолько погружена в видео про серфинг, что, кажется, уже давно мысленно не здесь, а на волнах где-то у берегов Австралии, как в том сериале, о котором она сразу же начала нам рассказывать в день приезда, вылезая из машины Криса.

— Ты слышишь меня, Бон-Бон?

От этого сокращения что-то дергается у меня в груди. И я вдруг улыбаюсь.

— Да. Привет.

Аккуратно поднимаюсь с места, бесшумно скольжу к выходу. Выхожу на крыльцо, прислоняюсь спиной к двери. Проверяю, идет ли звонок — в трубке повисла тишина. Надеюсь, он не слышал, что я шуршала, как мышь, пробираясь к выходу.

— Привет, — говорит Дилан, и я слышу по голосу, что он улыбается. — Я хотел узнать, есть ли у Стейси какие-то хронические заболевания, аллергия или астма?

— Нет, — отвечаю я и чувствую легкое разочарование.

Конечно, он позвонил только за этим.

— Отлично. Увидимся завтра.

— До завтра.

Отключаю вызов и смотрю в сторону пляжа.

Принимаю его заявку в друзья и возвращаюсь в дом. Чувствую, как волнение Стейси перед завтрашним днем теперь охватывает и меня саму.

***

В пять утра я слышу, как осторожно открывается дверь комнаты, которая когда-то принадлежала Аманде. Через минуту мой матрас прогибается под чужим весом. Я открываю один глаз. Стейси стоит надо мной, опираясь коленом на кровать, и выглядит такой серьезной, словно всю ночь готовилась не к обучению серфингу, а настоящей битве.

— Спишь?

— Да.

— Бонни, вставай. Дилан просил не опаздывать.

Я знаю, что она легла поздно. Слышала, как она полночи пересматривала видео. И я сама почти не спала, хотя не понимала, отчего так переживаю.

— Сейчас пять утра, Стейси. — Я приподнимаюсь на локте. — До пляжа рукой подать. Мы не опоздаем.

Она поджимает губы, понимающе кивает. Какое-то время стоит, перебирает пальцы. Я чуть отодвигаюсь, давая ей больше места, и Стейси забирается на мою постель.

— Спи.

Стейси тихонько смеется, ложится на спину и смотрит в потолок, подергивая ногами. Мы обе так и не сомкнули глаз. Она действительно нервничает, и я тоже.

Но когда настает время собираться, в ней просыпается тот самый заряд активности. Будто до этого она была в энергосберегающем режиме, а теперь готова выплеснуть все без остатка. Стейси носится по дому, бубнит что-то под нос, хватается все, что может и не может пригодиться, и скидывает в мой рюкзак: полотенце, солнцезащитный крем, сменную одежду, расческу, спасательный круг, тетрадь, ручку, три фломастера, запасную заколку и, кажется, одну из маминых кружек. Я даже представить не могу, как буду тащить это все на пляж. Но лезть и поправлять взволнованную Стейси не решаюсь. Она выглядит так, словно готовится к высадке на луну, а не к первому уроку серфинга.

Утро туманное и обманчиво серое. Низкие облака висят над океаном, и кажется, что никакого вечного лета здесь не существует.

Дилан стоит у навеса с досками и о чем-то разговаривает с блондинкой, которая несколько дней назад отказалась вписывать Стейси в детскую группу. Пальцы Стейси впиваются в мою руку. Она сжимает так сильно, что я почти чувствую, как ее страх передается мне. Будто сейчас нас обеих развернут домой и скажут, что никаких тренировок не будет.

Картер замечает нас и кивает, продолжая что-то говорить той самой девушке. Она вздыхает и качает головой.

И до меня доходит осознание: нас *точно* сейчас отправят домой.

Уже заранее обрастаю ненавистью к этому серфингисту, который навешал лапши маленькой девочке, а теперь на меня свалится обязанность ее успокаивать. Я прокручиваю в голове фразы для утешения: «ничего страшного», «может, в следующий раз». Все они звучат фальшиво, даже в моей голове.

Дилан полностью разворачивается к блондинке и одаривает ее улыбкой. Я вижу, как выражение ее лица становится мягче. А через несколько минут он идет в нашу сторону.

На нем светлые шорты, темно-синяя толстовка с капюшоном и сланцы. Он уже успел окунуться, судя по влажным волосам.

Я крепче сжимаю ладонь Стейси, обдумывая слова утешения. Представляю, какая ругань обрушится на этот пляж, как только Картер подойдет и скажет вместе с приветствием что-то

вроде «мне жаль». Я уже чувствую, как во мне поднимается гнев, готовый отправить Дилана в другой штат.

Он широко улыбается, подходя к нам. Это обманный маневр. Улыбка — его главное оружие, и я, кажется, только что поняла, почему все девушки на пляже так легко сдаются.

Я решаю атаковать первая.

— Что, не получилось, крутой серфер?

— О чем ты? — Его брови сдвигаются, но на лице по-прежнему расслабленная улыбка. Такая, будто все под контролем. В чем я сильно сомневаюсь. — И вам доброе утро.

Дилан оглядывает огромный рюкзак, свисающий с моего плеча. Я тут же поправляю лямку. Рюкзак по ощущениям весит тонну — Стейси вынесла полдома, и ее стоит похвалить за то, как она удивительным образом все это утрамбовала.

— А вы основательно подготовились, — с улыбкой добавляет он и протягивает руку, предлагая забрать у меня рюкзак.

Я сжимаю лямку сильнее. Наши взгляды сталкиваются, и мы не желаем уступать друг другу. Картер склоняет голову на бок, глядя на меня, и его глаза говорят: «Ну ты серьезно?»

И я сдаюсь. Стягиваю с плеча тяжесть, отдаю рюкзак Дилану. Он перехватывает обе лямки, стискивая их пальцами, и ведет нас ближе к «Ди-Джи».

— Так что у меня не получилось?

— Индивидуальное занятие для Стейси, — произношу я, косясь на него.

У Стейси перехватывает дыхание. Она резко тормозит, поднимая руку к груди так, будто сейчас упадет на песок замертво от этой новости.

— С чего ты взяла, что не получилось? — Картер смотрит на меня с таким удивлением, что мне становится немного стыдно. — Вообще-то я договорился, что первое занятие пройдет полностью бесплатно. Пробный формат. — Он пожимает плечами, замечая мою растерянность. — Проводить занятие для ребенка для меня тоже впервые. И я немного нервничаю.

В этот момент он кажется мне таким искренним, что я верю каждому слову и смягчаюсь. Он действительно выглядит слегка взволнованным. Пальцы сжимают лямки моего рюкзака чуть сильнее, чем нужно, а затем скользят к толстовке и слабо дергают за шнурки на капюшоне. Маленький жест, который выдает его напряжение. «Крутой серфер» тоже умеет волноваться.

— Честно говоря, мы тоже немного взволнованы, — во мне неожиданно просыпается желание его поддержать, и самое главное: в моих словах нет ни капли лжи.

Он награждает меня слабой улыбкой и устремляет взгляд вперед.

Я чувствую себя немного глупо, что так безосновательно накинулась на него, а он просто делает свою работу.

— Можешь пока взять кофе, — кивает Дилан на кафе. — И присоединишься к нам.

Я рада сбежать и спрятаться на время в кафе, хотя обзор и остается открытым. Мне нужно перевести дыхание и перестать думать о том, что я только что вела себя как истеричка перед парнем, который, кажется, пытается быть милым.

Сегодня за стойкой Кортни и Пайпер. И это немного огорчает. Кортни далеко до мастерства Джереми — ее капучино больше похож на теплую воду с намеком на кофе. Но выбрать не приходится.

Я украдкой поглядываю в сторону Стейси и Дилана. Стейси заметно стесняется, оказавшись с ним наедине. Она часто поворачивает голову в мою сторону, но слушается Картера и отвечает на все вопросы. Дилан пытается ее расслабить. Я вижу, как он присаживается на корточки, чтобы быть на одном уровне и с улыбкой продолжает разговор.

Как бы мне ни хотелось отсиживаться в стороне, в первый день я не могу позволить себе оставить Стейси. Забираю свой унылый кофе и усаживаюсь на расстеленное Диланом покрывало рядом с племянницей.

— Выспались? — спрашивает Картер, оглядывая нас обеих.

Его волосы подхватывает слабый утренний ветерок. Сзади шумит серый и тяжелый океан, кажущийся немного рискованным, только белые барашки на волнах добавляют какую-то нотку веселья. Но на его фоне Дилан выглядит так естественно, в своей стихии, что я засматриваюсь. Отбрасываю мысль, что хочу запечатлеть это в скетчбуке.

— Да, — кивает Стейси.

Я пью кофе и качаю головой.

— Не ври инструктору, Стейс, — бурчу я, отворачиваясь.

— Не выпались! — Она произносит это куда энергичнее и радостнее, чем свое «да».

Мы с Картером неожиданно смеемся.

— Для первого раза прощительно, — кивает Дилан с пониманием. — Я сам сегодня плохо спал.

Интересно, он тоже прокручивал в голове, как все пройдет? Волновался, справится ли с семилетней девочкой, которая вчера изображала серфингиста посреди кафе?

— Прежде всего, Стейси, — его голос обретает серьезность, а Стейси сразу выпрямляется, складывает руки на коленях и смотрит на него с абсолютным вниманием, — важно знать, что к океану нужно относиться с уважением. Не показывать свой страх, иначе он тебя не примет.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Звучит как строчка из фильма про выживание, где герой сражается со стихией и побеждает исключительно силой духа. Но Стейси слушает, понятливо кивает на каждое слово, и я заставляю себя держать рот закрытым.

— Океан учит терпению, — продолжает Дилан. — Потому что хорошую волну нужно ждать и иногда долго ждать. Нужно быть готовым к ней и никогда не стоять спиной, иначе собьют. — Он делает паузу, смотрит на Стейси, проверяя, услышала ли. — Падать будем много и часто, это нормально. И сразу договариваемся: если тебе страшно, ты не стесняешься и честно говоришь мне. Хорошо?

Стейси кивает.

— Я буду рядом и помогу. Если вдруг что-то пойдет не так, махи руками. Даже если я не услышу, то замечу и приплыву.

Весь дальнейший разговор Дилан ни разу не взглянул в мою сторону, он полностью сосредоточился на Стейси. Говорит с ней уверенным, спокойным тоном, остается внимательным и доброжелательным. Она это чувствует, позволяя себе раскрыться и высказать опасения. Она спрашивает: «А если волна будет слишком большая?» и «А если я упаду и не смогу встать?». Дилан отвечает терпеливо, без тени насмешки. Он так умело выводит ее на честность, что Стейси вдруг кажется мне куда взрослее своих лет.

Дилан рассказывает о своих первых попытках в серфинге — как он падал, как нахлебался воды и как лишь после десятого занятия его мама перестала волноваться. Я не замечаю, как погружаюсь в его истории. Почему-то так ярко представляю его кусочки воспоминаний у себя в голове, будто просматриваю иллюстрации в детской книге о юном и талантливом мальчике-серфингисте. В каких-то моментах позволяю себе улыбнуться. Он подходит к этому со знанием дела, с таким уважением и серьезностью, что его речи об океане больше не кажутся мне глупыми.

Когда облака начинают расступаться и солнце пробивается сквозь серую пелену, Дилан поднимается на ноги, стягивает толстовку. Под ней оказывается загорелая кожа, рельефные плечи, татуировка-волна на предплечье. Я моментально отвожу взгляд в сторону.

— Покажи, как плаваешь, — просит он Стейси.

Пока она снимает кофту и джинсовые шорты, Картер протягивает мне толстовку.

— Ты замерзла. — Он наклоняется ближе и проводит пальцем по моей руке, покрытой мурашками. И теперь я уже сомневаюсь: от холода ли они появились. — Надень.

Мне хочется отказаться. Попросить его не быть таким вежливым и милым. Хочется соорудить то самое выражение лица, с которым я была готова броситься на него за то, что он, как я придумала, не смог договориться о занятии. Хотя сейчас что-то подсказывает мне: если бы такое и произошло — Дилан нашел бы выход, предложил бы альтернативу и точно не оставил бы Стейси с разочарованием.

Во мне кипит протест. Но я снова сдаюсь под его мягким взглядом. Он смотрит на меня так, будто я упрямая маленькая девочка, которая не хочет надевать шарф зимой, хотя он старше меня всего на пару лет. В его взгляде спокойствие человека, который привык заботиться. Или привык, чтобы ему подчинялись.

Я принимаю толстовку, натягиваю ее на себя под пристальным взглядом и одобрительной улыбкой Картера.

— Тебе идет, Бон-Бон.

Я киваю и поджимаю колени ближе к груди. Делаю глоток уже остывшего кофе. Показываю всем видом, что меня не интересует ни его толстовка, ни океан, ни прекрасный обзор на его накачанный торс, который совершенно не обязательно было демонстрировать передо мной таким образом.

Они со Стейси заходят в воду. Дилан стоит по колено, смотря на то, как плавает Стейси. Его взгляд сосредоточенный и профессиональный. Он что-то говорит ей, указывая чуть дальше, и Стейси, словно дельфин, ныряет, проплывает под водой и выныривает метрах в пяти. Дилан кивает, подзывает ее обратно. Она явно довольна собой — снова ныряет, и через несколько секунд всплывает рядом с ним, смахивая прилипшие волосы с лица.

Я пользуюсь моментом и наконец нащупываю в рюкзаке скетчбук и карандаш. Открываю планшет с фотографиями Нью-Йорка, делаю несколько быстрых линий — очертания небоскребов, прямые углы, сплошная успокаивающая меня геометрия. Но мой взгляд постоянно возвращается ко Стейси. К ее заразительному смеху, который разносится над водой. К тому, как она подпрыгивает на слабых волнах и оборачивается на Дилана, проверяя, увидел ли он, какая она молодец.

Не могу сосредоточиться на рисунке: линии получаются неровными, штриховка — грязной, карандаш отказывается подчиняться мне. Я вставляю один наушник, включаю музыку, пытаюсь отгородиться и поймать то самое легкое чувство во время рисования, которое мысленно уносит меня куда-то далеко. Но сегодня что-то идет не так. Возможно, сказывается неполноценный сон. И я откладываю скетчбук и устремляю взгляд на океан.

Почему-то вместо привычного раздражения или уныния я ощущаю странную, саднящую тоску. Вглядываюсь в морскую пену, в солнечные блики на воде и ломаные линии волн.

Здесь, в этом пейзаже, есть постоянное движение. Волны не стоят на месте, а набегают, рассыпаются на тысячи брызг, откатываются назад, чтобы через секунду вернуться снова. Каждая линия рождается, поднимается и исчезает, уступая место следующей. Солнечный свет скользит по воде и вспыхивает в каждой капле. Белые барашки на гребнях волн похожи на быстрые, небрежные мазки кистью, которые художник делает, когда хочет поймать момент, а не вычерчивать идеальную форму.

И во всем этом сейчас живут Дилан и Стейси, пока океан ласково обнимает их фигуры. Они не думают о том, как это выглядит. Просто находятся и существуют в этом моменте. Неожиданно я нахожу в этом что-то совершенное.

Несмотря на все мое отрицание этого места, из которого я так долго хочу сбежать, во мне появляется чувство: я хочу запомнить то, за чем сейчас наблюдаю. Каждую песчинку этого пляжа и линии волн. Каждую мокрую прядь на голове Стейси и каждый блик солнца на бусинках Дилана.

Я тянусь за скетчбуком. Открываю чистую страницу. И начинаю рисовать.

Даю глазам привыкнуть к картинке, разбираю ее на составляющие: горизонт — чуть выше середины листа; фигура Дилана — вертикаль, которая задает ритм; Стейси рядом — меньше и подвижнее; вода вокруг них — плавные дуги. Я не вдаюсь в детали. Карандаш движется размашисто, быстро, будто я боюсь, что если буду слишком медленной, картинка исчезнет, и я не смогу передать все так, как вижу.

Штрихи ложатся легко. Карандаш скользит по бумаге, и я почти не думаю о том, что делаю. Рука знает сама, где обозначить объем тенью и где оставить белое пятно для блика.

Так странно, что в этом скетчбуке большинство рисунков цветные. А этот выполнен с помощью простого серого карандаша. Но он кажется мне самым ярким из всего, что есть на страницах.

Когда занятие официально заканчивается, из воды они не выходят. Дилан иногда поглядывает в мою сторону, проверяя, не сбежала ли я. Стейси радостно размахивает рукой, ее улыбка сияет, и я отвечаю тем же. Она уже уверенно забирается Картеру на плечи и спрыгивает в воду. Повторяет это раз за разом. Их заразительный смех и веселые голоса разносятся по всему пляжу, заставляя прибывающих людей обратить на них внимание. Я слышу, как кто-то в ответ смеется и тоже ловит этот теплый момент.

И я вдруг жалею, что не надела купальник.

Глава 4.

— Дилан говорит, у меня талант!

Стейси влетает в «Ди-Джи», едва не сбив стул у входа. В последние дни я провожу именно здесь большую часть времени — прячусь от солнца в обнимку со скетчбуком и кофе, делая вид, что меня не существует. Но Стейси каждый раз, словно вихрь, вбегает сюда с новостью, от которой ее глаза становятся сияющими и огромными, что, кажется, способны осветить все кафе, как только опустится ночь.

Сегодня она в гидрокостюме, с доской под мышкой и прилипшими к лицу мокрыми волосами. Выглядит как маленький воин, который только что вернулся с поля боя и готов снова ринуться в атаку. Гидрокостюм ей великоват: рукава болтаются, и она то и дело их подтягивает, но отказалась ждать, пока мы найдем что-то по размеру. Спорить с ней бесполезно, ей лишь бы быстрее вернуться к занятиям.

Последние несколько тренировок Дилан разрешал ей заходить с доской на небольшую глубину — по пояс, не дальше. Я вижу, как она старается: тут уже не песок, а качающийся океан, и доска подчиняется не так легко, как на суше. Стейси то и дело теряет равновесие, плюхается в воду, встает и снова упорно лезет на доску. Заметно, как ей непросто — дыхание сбивается, руки дрожат от напряжения. Но она продолжает и не капризничает.

И Дилан, кажется, проникается к ней все большей симпатией. Он улыбается, когда она в который раз взбирается на доску после падения. Дилан терпеливо объясняет одно и то же и подбадривает, когда она начинает злиться на себя. Иногда мне кажется, что он гордится ей не меньше, чем я.

С каждым днем уверенность Стейси растет. Она перестала бояться падать и научилась чувствовать волну. Дилан хвалит ее, и поправляет, когда нужно. Стейси расцветает под его вниманием: она с гордостью расправляет плечи, и в ее глазах искрится что-то большее, чем детский восторг.

У нас с Картером выстраиваются странные отношения, которые меня одновременно радуют и тревожат. Мы часто переписываемся по вечерам, когда я уже дома. Он присылает смешные видео, интересуется моим прогрессом в рисовании или просто спрашивает, как прошел день. На пляже мы перешучиваемся, и я ловлю себя на том, что жду этих моментов. Жду, когда он подойдет и бросит очередную шутку. Или когда наши взгляды встречаются, и он приподнимет бровь в своей фирменной манере, будто говорит: «Ну что, тебе по-прежнему здесь

ничего не нравится?» И каждый раз я смотрю на него с вызовом, дерзко щурюсь, уверенно задирая подбородок, но не в силах ничего сказать. Потому что я начинаю чувствовать какую-то симпатию к этому месту.

Дилан бывает настойчив, но не навязчив. Он проникает в мое пространство медленно и осторожно. Так обычно заходят в океан с утра, проверяя ступней, насколько холодная вода. Дилан наблюдает за тренировками Стейси, поправляет движения на словах, а потом усаживается рядом со мной. И мне нравится чувствовать его присутствие — его молчание, его дыхание и то, как он иногда тихо смеется, когда Стейси делает что-то смешное или ярко реагирует на похвалу. Мы почти не разговариваем в такие моменты, все его внимание сосредоточено на ученице. Но я чувствую, что он здесь. Иногда мы случайно соприкасаемся плечами или коленями — и никто из нас не отстраняется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.